

Представление о русском языке среди южно-кавказской молодежи

The Perception of the Russian Language Among the Southern Caucasian Youth

DANIELE ARTONI, *University of Verona*
daniele.artoni@univr.it

Received: July, 29 2019.

Accepted: November, 9 2019.

АННОТАЦИЯ

Статус русского языка в постсоветских странах является спорным вопросом, так как четкое определение языковой политики независимых республик играло – и до сих пор играет – ключевую роль в создании национальной идентичности. В статье рассматривается статус русского языка в современных республиках южного Кавказа, т.е. в Азербайджане, Армении и Грузии. Во всех трех республиках независимость привела к процессу дерусификации и повышения статуса титульных языков, вследствие чего их «политика одноязычия» была утверждена во всех конституциях. Несмотря на то, что единственными государственными и официальными языками являются только титульные языки, русский язык используется на повседневной основе *де-факто* как язык межнационального общения. Объектом данного исследования является представление о русском языке среди молодежи в рассматриваемых республиках, т.е. среди поколений, учившихся под влиянием постсоветских языковых политик. Цель настоящей работы предопределила выбор двух методов исследования: (1) выполнение анкеты для молодежи, состоящей из двух частей, т.е. вопросы по социолингвистическим темам и тест по русскому языку; (2) в рамках *expert interviews*, проведение полу-структурированных собеседований с местными преподавателями русского и английского языков как иностранных по темам исследования. Количественный анализ анкет и качественный анализ интервью позволяет утверждать, что (а) владение русским языком ниже в странах, где процесс де-русификации сильнее, (б) владение русским языком не соотносится с представлением о Российской Федерации, (в) владение английским языком не соотносится с потерей русского языка, (г) основными мотивациями изучения русского языка среди молодежи являются возможность найти более качественное рабочее место.

Ключевые слова: языковая политика, Кавказ, статус русского языка, социолингвистика, лингва франка, Азербайджан, Армения, Грузия, образование.

ABSTRACT

The status of the Russian language in the post-soviet countries is a delicate issue, as the definition of the language policies in the new-born independent republics has always had a crucial role in the construction of the national identity. The essay deals with the status of the Russian language in the Republics of the Southern Caucasus (i.e., Armenia, Azerbaijan, Georgia), whose independence has led to an overall process of de-russification connected to the increment in the use of the titular languages in the public sphere. Although the single language policy of the three Republics is stated in their Constitutions, Russian is still used *de facto* as the language of interethnic communication. The present research focusses on the perception of the Russian language among the young generations, i.e. those who were educated under the influence of the abovementioned single language policies. In order to investigate the issue, the research was conducted in a two-fold way: (1) a survey for young people consisting in questions on sociolinguistic aspects and a proficiency test in Russian; (2) a semi-structured interview for teachers of Russian and English as foreign languages (*expert interviews*) on the research topics.

The quantitative analysis of the survey and the qualitative analysis of the interviews show that (a) the knowledge of Russian is weaker in countries where the de-russification process is stronger, (b) the knowledge of Russian does not correlate with the attitude towards the Russian Federation, (c) the knowledge of English does not correlate with language loss in Russian, (d) job opportunity is the main motivation affecting the study of Russian among the young.

Keywords: language policy, Caucasus, status of the Russian language, sociolinguistics, lingua franca, Armenia, Azerbaijan, Georgia, education.

1. Введение

Вопрос о языке является ключевым компонентом не только самоидентичности человека, но и национального самосознания в процессе так называемого *state building*, т.е. в процессе «строительства государства». А что происходит, когда новое государство получает независимость от другого, более крупного государства? А в случае, если титульный язык нового государства отличается от официального языка бывшего государства, стоит ли принимать законы, регулирующие употребление государственного языка в публичной сфере? Как относиться к языковой политике и ее эффективности в странах, получивших независимость после распада Советского Союза?

С этими взглядами можно относиться к языковой политике и ее эффективности в странах, получивших независимость после распада Советского Союза. Неудивительно, что статус русского языка в постсоветских странах является спорным вопросом, так как четкое определение языковой политики независимых республик играло – и до сих пор играет – ключевую роль в создании национального самосознания. В частности, в статье рассматривается статус русского языка в современных республиках южного Кавказа, т.е. в Азербайджане, Армении и Грузии.

Целью исследования является определение представления о русском языке среди молодежи в нынешних Азербайджане, Армении и Грузии – т.е., среди поколений, учившихся в самостоятельном, независимом от русского влияния государстве.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1) определить статус русского языка *де-юре* и *де-факто* в независимых республиках;

2) определить место русского языка в системе образования для носителей титульного языка и языковых меньшинств;

3) определить представление о русском и английском языках как о языках межкультурной коммуникации;

4) рассмотреть влияние языковой политики на владение русским языком среди молодежи и ее мотивацию в изучении русского языка как иностранного.

В работе использованы данные центра *Caucasus Barometer*, исследования социолингвистов, политологов, социологов и др., посвященные статусу русского языка на Кавказе, и ранее не опубликованные данные, собранные автором статьи на месте в форме вопросника для молодежи и полу-структурированного собеседования для преподавателей русского и английского языков как иностранных.

2. Обзор литературы и постановка вопроса

Во всех трех республиках независимость привела к процессу дерусификации и повышения статуса титульных языков, в результате чего их «политика одноязычия» утверждена во всех конституциях (Pavlenko, 2006, 2008, 2013). Несмотря на то, что единственными государственными и официальными языками являются только титульные языки, т.е. азербайджанский язык в Азербайджане, армянский язык в

Армении, грузинский язык в Грузии,³¹ русский язык используется на повседневной основе *де-факто* как язык межнационального общения (Лебедева, 1995).

В 1999 г. Армения взяла противоположное направление, возвращаясь к обучению на русском языке (Khachikyan, 2005). Значимость русского языка в армянской национальной общности засвидетельствована тем, что он никогда не стал иностранным языком (Perotto 2014). Несмотря на то, что Армения является практически моноэтнической страной и английский считается важнейшей языком международного общения, русский язык не потерял свою роль как язык образованной части населения и как язык общения на работе и в культурном обиходе (Rabanus & Barseghyan, 2015), а также в области военного сотрудничества наряду с его применением в дипломатии благодаря добрым отношениям между Арменией и Российской Федерацией (Dietrich, 2005: 15).

Напротив, в Грузии русский язык стал необязательным предметом, а изучение английского языка - обязательным с целью ориентации на его использование вместо русского как языка международной коммуникации (Blauvelt, 2013). В отличие от моноэтнической Армении, в Грузии живут многие представители языков меньшинств, особенно азербайджанцы (6,5% населения Грузии) в столице и в регионах Квемо-Картли и Кахети и армяне (5,7% населения Грузии) в столице и в регионе Самцхе-Джавахети. В результате двухсотлетней российской власти этнические меньшинства употребляют русский как язык межэтнической коммуникации (Gabunia, 2014); с другой стороны, 17% азербайджанцев, живущих в Квемо-Картли, и 25% армян в Самцхе-Джавахети не владеют грузинским языком (Dundua, 2014). В этом случае языковая политика Грузии стремится не только к дерусификации, но и к увеличению доли обучения языковых меньшинств на грузинском языке при помощи двуязычного образования (Stefan, 2016; Juneau, 2017),³² тем самым способствуя процессу ассимиляции этих меньшинств. На языковую политику Грузии без всякого сомнения влияют отрицательные отношения между Грузией и Российской Федерацией, особенно после поддержки РФ суверенности территорий Абхазии и Южной Осетии³³ во время конфликтов 90-ых годов и признание их независимости в 2008 г.

Закон «о государственном языке в Азербайджанской Республике» 2002-го года утверждает приоритет азербайджанского языка и регулирует его употребление во всех областях общественной жизни. Несмотря на то, что в законе не упоминается о роли русского языка, он используется в СМИ и на бытовом уровне, особенно в Баку и среди интеллигенции. В Азербайджане образование на русском допускается (и русские школы считаются более качественными), но его популярность сокрatилась в 90-ые

---

³¹ 10 октября 2002 г. Грузия изменила статью 8 Конституции, добавляя абхазский язык в ряд государственных языков: «Государственным языком Грузии является грузинский, а в Абхазской Автономной Республике – также абхазский» (<https://matsne.gov.ge/ru/document/view/3811818?publication=1>).

³² Stefan (2016) и Juneau (2017) рассматривают грузинскую языковую политику с языками меньшинств после признания *Закона Грузии о государственном языке* 22 июля 2015 (<https://matsne.gov.ge/ru/document/download/2931198/0/ru/pdf>). Дополнительная информация о грузинской языковой политике до 90-ых содержится в статье Jones (1995).

³³ *Де-факто* независимость Абхазии и Южной Осетии привела к принятию довольно сложных законов о языке (Comai & Venturi 2015).

годы, причем в этот период английский язык стал более распространенным (Landau & Kellner-Heinkele, 2011: 42).

Исходя из разнообразия языковой политики в трех южно-кавказских республиках, мы склонны полагать, что русский язык слабее там, где английский, а не русский язык, является обязательным предметом в школах, где закрывали русские отделения, а также там, где отношение к Российской Федерации в политическом смысле неодобрительное.

Большим подспорьем в изучении специфики владения русским языком среди поколений, учившихся под влиянием постсоветской языковой политики, база данных *Caucasus Barometer* (<https://caucasusbarometer.org/en/>) представляет собой полезный инструмент. На этом сайте можно найти регулярно обновляемые данные социологического характера, собранные в Азербайджане, Армении и Грузии. Несмотря на политику дерусификации в Грузии, анализ показывает, что уровни знания русского языка в Армении и в Грузии очень похожи; согласно данным анкеты, 85% армян и 70% грузин хорошо владеет русским языком, при этом его знает только 36% азербайджанцев (см. Таблица 1).

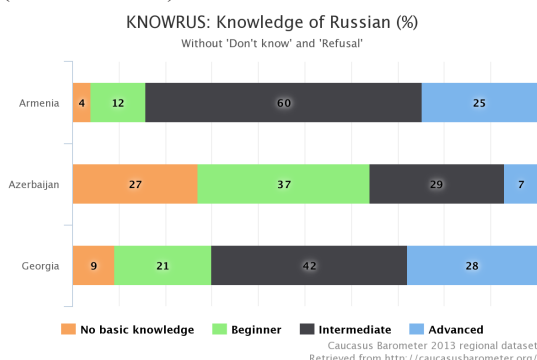

Таблица 1. Знание русского языка (см. Caucasus Barometer 2013)

Тем не менее, Таблица 1 не пригодна для описания роли русского языка в этих странах, особенно в Азербайджане, где разница среди поколений и между жителями столицы и регионами является значительной. В вопросе поколений Таблица 2 показывает самооценку знания русского языка в трех возрастных группах: (а) 18-35 лет, (б) 36-55 лет, (в) больше 56 лет.

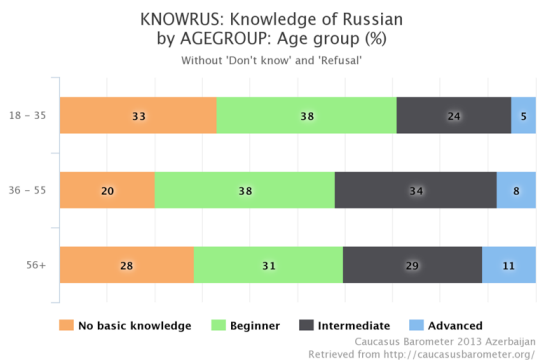

Таблица 2. Знание русского языка в зависимости от поколения (см. Caucasus Barometer, Азербайджан 2013)

Таблица 2 показывает, что лучше русский язык знает старшее поколение с 36 до 55 лет (только 1/5 не знает русского языка, а 42% им хорошо владеет), а хуже его знает молодежь до 35 лет (1/3 не знает русский язык, а 29% им хорошо владеет).

Гораздо более значительной является разница во владении русским языком между жителями Баку (*Capital*), городами (*Urban*) и сельскими районами (*Rural*). Таблица 3 показывает ответы на вопрос о владении русским языком в столице, городах и селах.

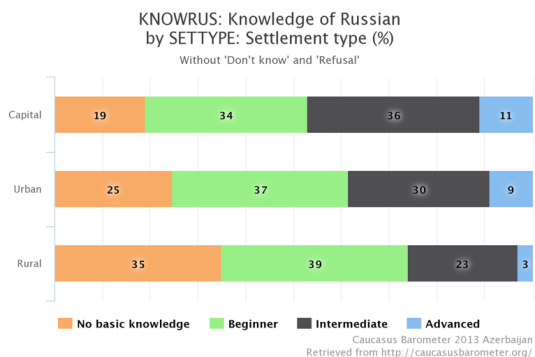

Таблица 3. Знание русского языка в зависимости от типов поселения (см. Caucasus Barometer, Азербайджан 2013).

В Баку практически каждый второй человек владеет русским языком, в контрасте с 1/4 населения в сельских районах, где 35% не имеет никакого знания русского языка.

Кроме возраста и места проживания в Азербайджане широта диапазона ответов на анкеты о владении русским языком зависит также от образования. Таблица 4 показывает ответы о знании русского языка в зависимости от уровня образования: (а) среднее или ниже среднего, (б) средне-специальное, (в) высшее образование.

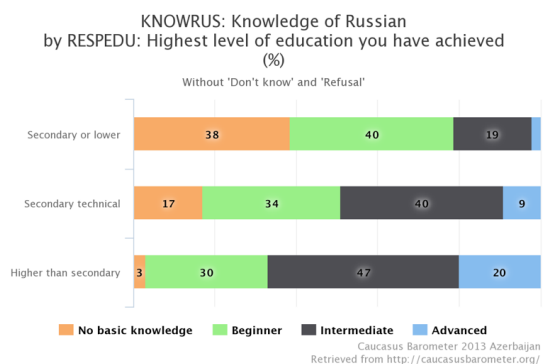

Таблица 4. Знание русского языка в зависимости от уровня образования (см. Caucasus Barometer, Азербайджан 2013).

Только 3% тех, кто окончил университет, не знает русский язык, по сравнению с 38% людей с низким уровнем образования. 67% образованных людей владеет русским языком, по сравнению с 22% тех, кто не поступил в средне-специальное образовательное учреждение или в университет. Это следует не только из того, что значительная часть научной литературы написана на русском, а также от престижа русского языка в академической среде.

Корреляция между знанием русского языка и немолодым возрастом, проживанием в столице и высшим образованием является значительной даже в Армении и Грузии, но диапазон ответов среди этих переменных не настолько широк, как в Азербайджане.

Возвращаясь к владению иностранными языками в южно-кавказских республиках, можно отметить, что знание английского языка в Грузии, где английский язык обязательно изучается со второго класса, ниже по уровню, чем знание русского языка, и идентично знанию английского языка в Армении (см. Таблица 5).

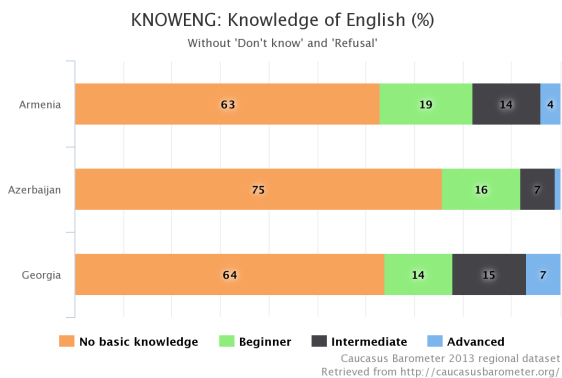

Таблица 5. Знание английского языка.

Однако тут возникает вопрос о том, насколько можно доверять данным об уровне языка, основанным на самооценке. Довольно немало факторов могут влиять на ответы по поводу знания иностранного языка, как, например, уверенность в себе, наличие или

отсутствие носителей языка в ближайшем окружении, отсутствие какой-либо основы для сопоставления в самом вопроснике, представление о знании языка информантом в глазах общества (например, родители, преподаватели, друзья, и т.д.)

Следовательно, с целью анализа представления о русском языке и владении им среди молодежи на Южном Кавказе было необходимо (а) собирать данные только среди целевой группы населения и (б) проверять их уровень русского языка с помощью теста.

3. Методика и сбор данных

Исходя из вышесказанного, цель настоящей работы предопределила выбор двух методов исследования:

(1) разработка анкеты для молодежи, состоящей из двух частей, т.е. вопросы по социолингвистическим темам и тест по русскому языку;

(2) в рамках *expert interviews* (Odendahl & Shaw, 2001), проведение полуструктурированных собеседований по темам исследования с местными преподавателями русского и английского языков как иностранных.

Структура первой части опроса для молодежи базируется на социолингвистической анкете, использованной в Армении С. Рабанусом и А. Барсегян (Rabanus & Barseghyan, 2015). Данный раздел направлен на сбор таких социолингвистических данных, как родной язык, возраст, пол, образование, место пребывания, этническая принадлежность, билингвизм, использование языков в семье, владение русским языком, владение английским языком, контексты употребления русского языка, представление о полезности владения русским языком, сравнение нужности русского и английского языков, отношение к русской литературе, представление о политическом и экономическом влиянии Российской Федерации на политику страны, использование русскоязычных СМИ.

Вторая часть опроса для молодежи состоит из теста по русскому языку с вариантами ответов; данный тест основан на модели, разработанной Ю. Амлинской для проверки уровня русского языка в онлайн курсе «Master Russian» (*masterrussian.com*). В особенности тест рассматривает употребление падежей в глагольных группах (VP), предложных группах (PP) и с числительными, согласование прилагательного с формой существительного, глаголы движения, вид глагола и способ глагольного действия, причастия, деепричастия, страдательный залог, неопределенные местоимения.

Сбор данных отвечает требованиям безопасности и конфиденциальности, поскольку все участники читали и согласились со следующими пунктами до выполнения анкеты: (а) участие в обследовании носит добровольный характер; (б) вопросник является анонимным и ответы квалифицируются в качестве агрегированных данных; (в) вопросник не выражает какого-либо мнения по политическим вопросам.

Полуструктурированные собеседования проводились на двух языках, т.е. по-английски с преподавателями английского языка как иностранного и по-русски с преподавателями русского языка как иностранного. Целью собеседований был сбор материалов о статусе русского языка и его конкурента (английского языка) среди тех, кто работает над этими вопросами. Выбор преподавателей иностранных языков

соответствует методике *собеседования с экспертами* (*expert interviews*, Odendahl & Shaw, 2001), а не *с элитой* (*elite interviews*), поскольку преподаватели не влияют на языковую политику своих государств.

Первые вопросы давали возможность самоидентификации и карьерного роста карьеру. После этого преподаватели перечисляли, что повлияло на мотивацию их студентов, сначала в свободной форме, а потом при помощи таблицы, показывающей следующие виды мотивации: возможность работы; интерес к литературе; интерес к языку и языкознанию; политика; ежедневная коммуникация; международные связи; межнациональная коммуникация; желание выглядеть, как русско- или англоговорящие; интерес к культуре; желание получить хорошие оценки; стремление получить одобрение от семьи; для путешествий; для отдыха (ФБ, ВК, и т.д.). После мотивации преподаватели отвечали на вопросы о трудностях у студентов и о важности русского, английского и титульного языков в своей стране.

Сбор данных проводился в Грузии, Азербайджане и Армении в ноябре и декабре 2018-го года. В целом были заполнены 206 вопросников и были собраны 24 интервью.

На анкету отвечали 50 носителей азербайджанского языка, 86 носителей армянского языка и 70 носителей грузинского языка. Небезынтересно отметить, что 35% грузин не заполнили анкету до конца, а некоторые из них в разделе, посвященном замечаниям, написали «*I am from Georgia and my country is occupied by Russia*» (я из Грузии, и моя страна оккупирована Россией), один из более распространенных в Грузии антироссийских лозунгов, вызванных российской поддержкой независимости Абхазии и Южной Осетии.

4. Анализ

Таблица 6 отражает процент правильных ответов на тест по русскому языку, что позволяет оценить общее владение русским языком среди носителей разных языков. Проведенный анализ собранных данных показывает, что процент среднего числа правильных ответов в тесте ниже среди носителей грузинского языка (37,1%), чем среди носителей армянского и азербайджанского языков. Результаты азербайджанцев (80,8%) в целом лучше, чем у армян (70,6%).

Таблица 6. Правильные ответы на тест по русскому языку.

Рассмотрев результаты теста по русскому языку, перейдем к самооценке уровня владения русским и английским языками. Таблица 7 показывает среднее число ответов

на вопросы «Как хорошо Вы знаете русский язык?» (красным) и «Как хорошо Вы знаете английский язык?» (синим) по шкале Ликерта, т.е. от 1 (*совсем нет*) до 5 (*как родной*).

Таблица 7. Результаты самооценки знания английского и русского языков.

Это позволяет утверждать, что носители грузинского языка в целом осознают свой уровень русского языка как более низкий по сравнению с соседями. С другой стороны, грузинская, а также армянская и азербайджанская молодежь признает довольно высокий уровень знания английского языка. Что касается азербайджанцев и армян, их знание русского и английского языков практически равны. В частности, таблица 8 показывает процент признающих, что их владение русским языком выше (красным), ниже (синим) или равно (фиолетовым) их владению английским языком. Эти данные основаны на интерполяции ответов на вопросы о знании русского и английского языков. Около 70% азербайджанцев сообщает, что знает русский язык лучше, чем английский (хотя разница между языками находится в диапазоне 1 пункта в 83% случаев); и наоборот, 70% грузин и 46,5% армян сообщают, что английский язык они знают лучше, чем русский.

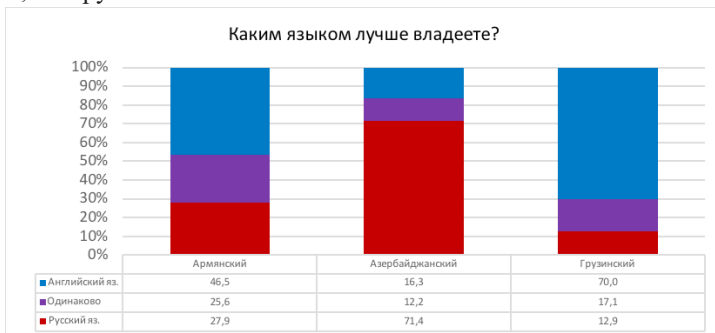

Таблица 8. Уровень владения языками.

Мои данные сильно отличаются от данных *Caucasus Barometer*. Почему? Я ограничил свое исследование с точки зрения статической совокупности, поскольку анкеты были выполнены образованной молодежью, живущей в больших городах. А это имеет огромное значение: (1) в отличие от старших поколений, грузинская молодежь

не изучает русский язык в школах; (2) в Азербайджане существует значительная разница между Баку, где люди свободно владеют русским языком (а именно там я собрал свои данные), и регионами, где русский язык реже используется; (3) с целью понять последствия постсоветской языковой политики, я сосредоточил внимание на поколении студентов, учившихся в целом при независимых республиках, т.е. на образованной молодежи.

С целью понять, существует ли связь между владением русским языком и одобрением к российскому государству и русской культуре, рассмотрим ответы на вопросы ««Россия – это добрый сосед моей страны». Вы согласны?» (Таблица 9), «Вы думаете, что Россия играет ключевую роль в защите Вашей страны?» (Таблица 10), «Вы думаете, что Россия положительно влияет на экономику Вашей страны?» (Таблица 11) и «Вы любите русскую литературу?» (Таблица 12).

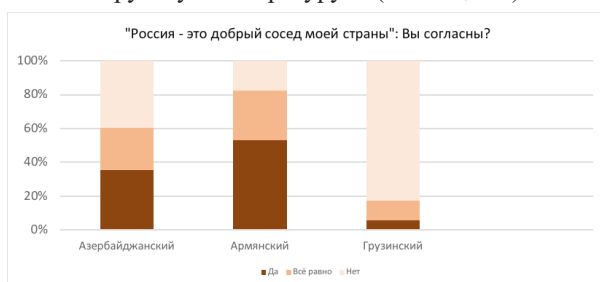

Таблица 9. Ответы на вопрос: «Россия - это добрый сосед моей страны. Вы согласны?».

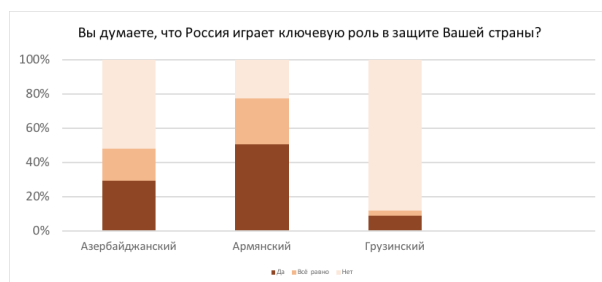

Таблица 10. Ответы на вопрос «Вы думаете, что Россия играет ключевую роль в защите Вашей страны?»

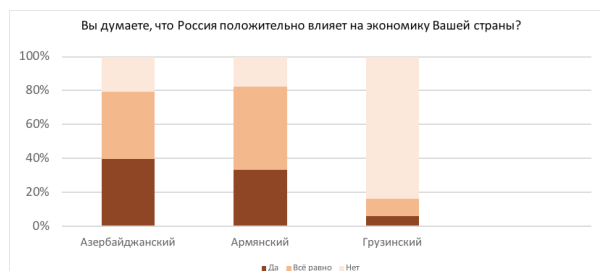

Таблица 12. Ответы на вопрос «Вы думаете, что Россия положительно влияет на экономику Вашей страны?»

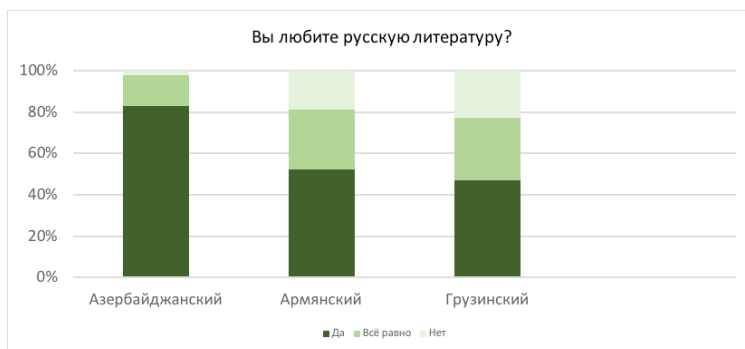

Таблица 12. Ответы на вопрос «Вы любите русскую литературу?»

Подавляющее большинство носителей грузинского языка демонстрировали отрицательное отношение к России как государству. Интересно заметить, что это не влияет на представление о русской культуре, поскольку около 50% грузин показали свою любовь к русской литературе. Несмотря на довольно хорошее владение русским языком у носителей азербайджанского и армянского языков, их взгляд на Россию не всегда является положительным: с одной стороны около 50% армян думает, что Россия является добрым соседом и защитником их страны, но меньше 40% полагает, что Россия положительно влияет на экономику страны; с другой стороны, процент азербайджанцев, поддерживающих экономическое и политическое воздействие России на их страну, варьируется от 30 до 40. Довольно интересно отметить, что больше 80% азербайджанцев и около 50% армян и грузин демонстрируют свою любовь к русской литературе. Подводя итоги вышесказанному, можно отметить, что не всегда те, кто хорошо знает русский язык, также положительно относятся к России; и наоборот, русскую литературу любят даже те, кто имеет отрицательное отношение к России. Тот факт, что практически всем опрошенным азербайджанцам нравится русская литература, соотносится с престижем русской культуры и русского языка в современном Азербайджане.

Не менее важно и то, что позволяет утверждать анализ собеседований с местными преподавателями русского и английского языков как иностранных.

На вопросы о мотивациях своих студентов, большинство преподавателей отвечало, что русский язык изучается потому, что он помогает расширить возможности найти хорошую работу и он нужен для межнациональной коммуникации. Несмотря на интерес преподавателей к русской литературе и к русской культуре, они замечают, что этих же интересов не придерживаются большинство их студентов. Основываясь на взглядах преподавателей, мы видим, что самая распространенная мотивация изучения русского языка среди молодежи имеет чисто внешний и прагматический характер. Однако, преподаватели английского языка отмечают, что мотивацией среди их студентов является в первую очередь возможность глобальной коммуникации, а также интерес к современной англоязычной поп-культуре. Из комментариев в некоторых собеседованиях следует, что методика преподавания английского языка является более современной и интерактивной по сравнению с традиционной методикой

преподавания русского языка, как отмечает преподавательница английского языка из Баку: “*our lessons are very active, students are motivated by teachers*” («наши занятия проходят очень живо, интерес к обучению вызывают сами преподаватели»).

Методологические проблемы преподавания русского языка иногда касаются адекватности учебных материалов, как объясняет преподавательница русского языка из Тбилиси: «очень мало учебников (...) с русского они перекопировали и надо сказать, грузинского духа там нет и в помине».

Дополнительная информация о положении русского языка имеется в ответах о трудностях при его изучении. Все информанты во всех странах свидетельствуют об утрате знания русского языка среди молодежи, основывая свои замечания на том, что «молодежь говорит с акцентом» или «у нас молодежь уже не говорит на чистом русском языке». Таким образом, более распространенное отношение к языку и методике обучения русскому языку – даже среди преподавателей – является нормативным и ориентированным на пуризм подходом. За исключением пары преподавателей-лингвистов, подавляющее большинство перечисленных трудностей принадлежат к сфере фонетики (например, произношение звука *ы*, артикуляция мягких согласных, и т.д.), немного к сфере морфологии и лексики, и полностью отсутствуют они по отношению к синтаксису. Довольно интересная точка зрения была высказана преподавательницей русского языка из Еревана, которая утверждала, что потеря знания русского языка тесно связана с утратой культуры в современном российском обществе: «когда я была молодая он [*русский язык*] был в каком-то смысле приоритетным, потому что это был признак интеллигентности (...) а иначе это не так (...) русскую культуру сейчас я даже как-то не могу подвести под стандартное понимание культуры. Если я смотрю телевизор или слушаю, как говорят на ток-шоу и как ведут новости, и прочее и прочее, для меня это анти-культура». Из этого следует, что престиж русского языка зависит от его употребления как языка культуры и защита русского языка является защитой русской культуры и русской литературы. Этим взглядом можно понимать слова двух преподавателей из Армении и Грузии, «Русский это язык Пушкина а не язык Путина». Несмотря на расхождения в политических взглядах, русский язык является признаком образованности и принадлежности к великой, и может быть утраченной, русской культуре.

Другие вопросы касаются представления о русском и английском языках в стране. Все преподаватели, кроме одной грузинской преподавательницы английского языка, утверждали, что сегодня в их стране нужны и английский язык, как язык глобальной коммуникации, и русский язык, как язык зональной коммуникации, и, безусловно, титульный язык. В отличие от молодежи, которая часто думает, что русский язык уже не нужен по сравнению с английским языком, поколения преподавателей выросли в обществе, где русский язык играл важную роль и был языком совсем не чужим.

В результате количественного анализа анкет и качественного анализа интервью можно сделать следующие выводы:

(а) владение русским языком по уровню ниже в Грузии, где процесс дерусификации сильнее,

(б) владение русским языком не соотносится с представлением о Российской Федерации,

(в) владение английским языком не соотносится с потерей русского языка,

(г) основной мотивацией к изучению русского языка среди молодежи является в первую очередь возможность найти более качественные рабочие места, а также интерес к русской культуре.

(д) представление о русском языке среди молодежи изменилось во всех южно-кавказских республиках по сравнению с поколениями, родившимися до распада Советского Союза.

5. Заключение

В заключение следует отметить, что социолингвистическое исследование в постсоветском пространстве позволяет утверждать, что даже в странах, где языковая политика стремится к дерусификации, русский язык не был – и, по моему мнению, не будет – вытеснен полностью. Несмотря на то, что новой *Лингва Франка* является английский язык, русский не потерял свою роль как язык регионального и супра-межнационального общения. С одной стороны, это следует из значимости русского языка для работы, т.е. знание русского языка влияет на экономические возможности больше, чем на вопросы идентичности и на политические проблемы. С другой стороны, необходимо отметить, что на Кавказе русский язык не является чужим. Наоборот, во многих частных и общественных сферах русский язык занимает первое место и идентичность независимого с точки зрения политики Кавказа связана с русской культурой и, в первую очередь, с русским языком.

Эта ситуация на Кавказе, где русский является одновременно своим и чужим языком, позволяет исследовать модель «Теории концентрических кругов», разработанную Качру (Kachru, 1985) для описания так называемых *World Englishes*, т.е. разновидностей английского языка в постколониальном мире. С целью изучения употребления английского языка и его вариантов в эпоху глобализации «теория концентрических кругов» Качру разделяет страны на три круга на основе их отношения с английским языком: 1) *внутренний круг* включает те страны, где английский является первым и официальным (напр. США, Австралия, Великобритания, и т.д.); 2) к *внешнему кругу* относятся те страны, которые были в составе Британской Империи (напр. Индия, Ямайка, Гана, и т.д.), где английский язык не является коренным языком – в этих странах часто английский язык считается языком элит и его вариант, используемый в народе, приобретает местные черты; 3) *расширяющийся круг* включает те страны, где английский язык не является официальным языком, но он используется как результат обучения и как средство международного общения (напр. Испания, Россия, Китай, и т.д.).

Возвращаясь к возможности принимать модель «Теории концентрических кругов» для описания употребления русского языка в иноязычной среде, надо обратить внимание на то, что языковая модель, разработанная для постколониального мира, не может быть полностью применена для постсоветского пространства. Тем не менее, если к *внутреннему кругу* русского языка относятся те зоны, где русский является единственным родным языком, как, например, большинство субъектов Российской Федерации, то Южный Кавказ принадлежит к *внешнему кругу*, где русский не является

родным, но считается престижным и порождает местные варианты. Помимо этого, также, как в *третьем круге* модели концентрических кругов, разработанной на основе английского языка, в Азербайджане, Армении и Грузии, политическая элита и образованная часть населения владеет русским языком; однако местные изводы русского языка, которые возникли в разговорном русском на Южном Кавказе до сих пор являются непопулярными (т.е. воспринимаются как знак необразованности) и часто рассматриваются просто как «нечистый русский язык с акцентом».

REFERENCES

- Лебедева, Н. (1995). *Новая русская диаспора: Социально-психологический анализ*. М: Российская Академия Наук.
- Президент Азербайджанской Республики Гейдар Алиев (2002). Закон Азербайджанской Республики о государственном языке в Азербайджанской Республике (№ 365-ПQ). *Сборник законодательства Азербайджанской Республики*. Доступно на: https://www.caa.gov.az/index.php?option=com_k2&view=item&id=120:law-of-the-rofa-on-the-state-language-of-the-rofa&Itemid=173&lang=ru
- Президент Грузии Георгий Маргвелашвили (2015). Закон Грузии о государственном языке (№ 4084-вс). *Законодательный Вестник Грузии*. Доступно на: <https://matsne.gov.ge/ru/document/download/2931198/0/ru/pdf>
- Blauvelt, T. K. (2013). Endurance of the Soviet imperial tongue: The Russian language in contemporary Georgia. *Central Asian Survey* 32(2), 189-209.
- Comai, G. & Venturi, B. (2015). Language and education laws in multi-ethnic de facto states: the cases of Abkhazia and Transnistria. *Nationalities Papers* 43(6), 886-905.
- CRRC, Caucasus Research Resource Center. *Caucasus Barometer*. <https://caucasusbarometer.org/en/>
- Dietrich, A.P. (2005). Language Policy and the Status of Russian in the Soviet Union and the Successor States outside the Russian Federation. *Australian Slavonic and East European Studies* 19(1-2), 1-27.
- Dundua, S. (2014). The Politics of Language and Education in Georgia (Compared with the Baltic States and Ukraine). *Political Science Review* 3, 171-78.
- Gabunia, K. (2014). Language Situation in Modern Georgia 2. Caucasian and Non-Caucasian Languages. *International Journal of Multilingual Education* 2(2), 1-21.
- Jones, S.F. (1995). The Georgian Language State Program and Its Implications. *Nationalities Papers* 23(3), 535-548.
- Juneau, J.F. (2017). Post-Soviet States and linguistic minorities' problems: Language policies, and ideologies in education in Georgia. *Irish Slavonic Studies* 26. 149-176.
- Kachru, B. B. (1985). Standards, codification and sociolinguistic realism: The English language in the outer circle. In R. Quirk and H.G. Widdowson (Eds.), *English in the world: Teaching and learning the language and literatures* (pp. 11-30). Cambridge: Cambridge University Press.
- Khachikyan, A. (2005). Problems of Bilingualism in Armenia. In J. Cohen, K. T. McAlister, K. Rolstad, and J. MacSwan (Eds.), *ISB4: Proceedings of the 4th International Symposium on Bilingualism* (pp. 1187-1189). Somerville, MA: Cascadilla Press.

- Landau, J.M., & Kellner-Heinkele, B. (2011). *Language Politics in Contemporary Central Asia: National and Ethnic Identity*. London: I.B. Tauris.
- Odendahl, T., & Shaw, A. M. (2001). *Interviewing Elites Handbook of Interview Research: Context and Method*. USA, CA: Thousand Oaks.
- Pavlenko, A. (2006). Russian as a lingua franca. *Annual Review of Applied Linguistics* 26, 78-99.
- Pavlenko, A. (2008). Multilingualism in post-Soviet countries: Language revival, language removal, and sociolinguistic theory. *International journal of bilingual education and bilingualism*, 11(3-4), 275-314.
- Pavlenko, A. (2013). Multilingualism in Post-Soviet Successor States. *Language and Linguistics Compass*, 7(4), 262-271.
- Rabanus, S. & Barseghyan, H. (2015). Language Choice and Identity in Post-Soviet Armenia. In P. Rosenberg, K. Jungbluth, & D.Z. Rhobodes (eds.), *Linguistic Construction of Ethnic Borders* (pp. 13-32). Peter Lang: Frankfurt am Main, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Warszawa, Wien.
- Stefan, S. (2016). *La tutela delle minoranze nei paesi postsovietici: I casi di Ucraina e Georgia*. Tesi di dottorato, Università degli Studi di Udine.